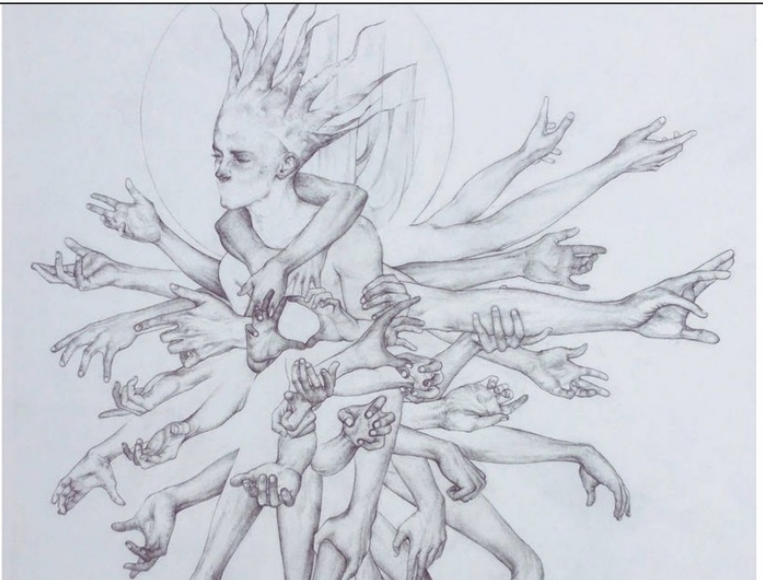

Анастасия Попова

Пандемия

Откровение

Анастасия Попова

Пандемия. Откровение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40940851

ISBN 9785449633453

Аннотация

Пандемия – это не болезнь, а худшая эпидемия, захватившая человечество. У нее нет ни запаха, ни вкуса, она не передается воздушно-капельным путем, она убивает сердца, от нее чернеют души и нет ни вакцины, ни лекарств. Пандемия – темная сторона нас самих... Это история о том, как мы нечаянно причиняем боль. История о жизни. О её самых острых углах, на которые мы то и дело налетаем поневоле. Но самое страшное другое – можно простить всё, но как простить себя – уже совсем другой вопрос...

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Пандемия Откровение

Анастасия Попова

Иллюстратор Анна Ивановна Регер

© Анастасия Попова, 2019

© Анна Ивановна Регер, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-3345-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Пандемия – это порок человечества, угол в который мы сами себя загоняем, из которого не возвращаются. Это наша боль, с трепетом хранимая в сердцах, о которой предпочитают молчать, глуша её в самом потаённом уголке. Но как бы мы не воспринимали звуки этого голоса, душа – где-то внутри нас всё равно эхом вопит от нестерпимой боли.

*Я пишу для того, кто уже не прочтёт,
Я пишу для того, кто уже не ответит,
Надеюсь на то, что там тебе хорошо
И вскоре мы будем с тобою навеки...*

Глава 1

И снова холодное лето, теплые деньки не частое явление от них уже, не бежишь, ими наслаждаешься и ждешь с нетерпением, и даже томная жара не может оттенить минуты истинного летнего счастья. Когда-то давно проливным дождям среди знойного теплого лета мы радовались как манне небесной, купались в их теплых потоках, босиком выбегая во двор, носились по мокрой траве и только что образовавшихся лужах. Нам было так легко, как будто это мы играем симфонию дождя на островках прохладной влаги в углублениях дорог и улиц, и сердце бьется в такт падающим на землю каплям, которые попадая на водную гладь выбивают другие разрывая идиллию покоя, рисуют идеальные круги, а потом вместе с ними отражается радугой на ещё угрюмом небе. Но стоит появиться этому природному световому представлению, почти всегда за считанные минуты оно меняет свой окрас, с серого до лазурно голубого. Так хочется чувствовать себя причастной к этому, любуясь неопишуемым зрелищем постоянно меняющихся картин кистей самой природы. Но радуг, как и теплых дождей под которыми, хочется вымокнуть до нитки во взрослой жизни почти нет. Вернее есть, но их уже не видишь или воспринимаешь совсем по-другому.

Сегодня как раз один из таких непредсказуемых летних деньков, когда с самого утра светит яркое солнышко, с по-

рога обдавая тебя своими теплыми, ласковыми лучами, которые так и шепчут – сегодня будет тот ещё жаркий денёк. Но как всегда к обеду набегают злобные тучки, закрывая собой последние лучики и тебе в лицо уже бьёт пронизывающий холодом северный ветер и ты сожалеешь лишь о том, что оставила кофту дома.

Но сегодня даже это не сможет омрачить очередной долгожданной встречи. Я ждала её, продумывала каждое слово которое скажу тебе, прокручивала в голове фразы и предложения, чтобы не упустить ничего важного, ведь открыть душу могу лишь тебе. Лишь ты меня всегда понимал и сейчас вновь поймешь и услышишь...

Извилистая дорога как всегда пустынна. В Русских глубинках редко встретишь попутку уже километров в десяти, отъехав от основной трассы соединяющей более – менее населённые районные центры, в которых ещё осталась: школа, больница и сельский совет. А я еду туда, где кроме сельского кладбища, развалин клуба и бабушек на скамейках у выцветших заборов не осталось ничего.

Как красивы и необъятны девственные просторы нашей Родины. Величественные склоны сменяют лесополосы, поля, луга искусственные водоёмы, оставшиеся в наследство со времён союза. Заброшенные, заросшие непролазной травой родники с чистой прохладной ключевой водой, бьющие из недр земли, у покинутых селений, почти стёртых с лица земли былых колхозов миллионщиков. От их не так

давно гремевшей славы остались лишь фундаменты в некоторых местах уже целиком погребённые землёй. Печальная картина.

Но вот уже и она. Деревня. Со своим эксклюзивным шармом, ведь только в маленьком поселении, не отмеченном на карте, доживающим свой век, можно встретить такое разнообразие. На некоторых улицах жизнь полностью остановилась. Прогуливаясь здесь в детстве, я думала о том, что пройдя небольшой школьный парк, ты вдруг очутилась в далёком прошлом. Огромные многоквартирные двух этажные дома, величественно стоящие в два ряда, полностью исчезли из виду, а перед глазами открывался совсем другой мир. Саманные, оббитые железом вековые домишки раскрашенные в зелёные, синие и бледно жёлтые цвета панорамой уходили вдаль единственной асфальтированной дороги. Кое-где это однообразие разбавляли деревянные строения, с красивыми ставнями и резными обналичниками, величественно возвышающиеся над крышами покосившихся от времени саманных строений. В детстве мне казалось, что время тут останавливалось, оно не текло и не бежало, а застыло где-то во временах молодости моей бабушки, детстве мамы и её сестёр.

А что же сейчас. Таким разнообразием стилей стоящим на контрасте архитектурных решений может похвастаться любое село. Домишки вдоль широкой главной улицы уже не такие одноликие, они пестрят индивидуальностью и соче-

танием материалов. Только здесь рядом можно увидеть блестящую жечь на крышах и тут же он чёрный как смоль, неизменный рубероид. Современный сайдинг и деревянная резьба, словно бусы венчающая дома, а рядом всё-то же железо с облупившейся и выгоревшей от солнца краской из детских воспоминаний, и теми же бабушками ничуть не постаревшими за последние пятнадцать лет, и кажется, время не тронуло их, только мы повзрослели.

За тем же парком всё тот же магазин, всё та же остановка и даже надписи те же, где-то там в её глубине на одной из стен ещё сохранилось то, что когда-то писали мы с тобой в наше последнее лето. А за ней поворот, пустырь и дорога к тебе. Калитка покосившегося забора как всегда открыта её видно с дороги, ты должно быть рад гостям, тем более сегодня, в твой день рождения. Я сейчас приду, наберусь смелости и выйду из машины, мне просто очень стыдно за то, что так долго не навещала тебя, но ты всегда был и будешь в моём сердце, не смотря на дела, заботы, проблемы и расстояние.

Как же здесь тихо и хорошо, такое чувство, что над твоим домом тучки не смеют закрывать собой солнце и тут всегда солнечно и спокойно, как и тогда, двадцать первого ноября две тысячи четвёртого года. И ты снова смотришь на меня своими безумно красивыми серыми глазами, увенчанными густыми чёрными ресницами, как же я люблю каждую чёрточку твоего лица, каждую едва уловимую морщинку вокруг

любимых добрых глаз, изгибы твоих густых бровей, пухлые всегда добродушно улыбающиеся губы. Ты всегда был для меня примером, образцом, идеалом, но ты не просто был, ты им и остался. Братик, как же мне тебя не хватало. Как же я хотела и боялась увидеть тебя вновь.

– А помнишь... – но для того чтобы говорить с тобой слова не нужны. Они ведь так часто обманывают, и зачем нам с тобой слова, когда разговаривают наши души.

Я знаю, ты помнишь... Как прекрасны были эти летние деньки наши разговоры на лавочке у завалинки, шкурки от семечек, за которые мы получали, ты от мамы, а я потом от бабушки. Я помню каждое твоё слово, твой мелодичный голос, твои глаза, удивительные и неповторимые: блеск морской волны на солнце и сине – серая печаль в пасмурную погоду, от того что на улице снова дождь и ты не сможешь завести свой любимый красный мотоцикл. В такие минуты они становились необыкновенно серыми, а их рельефный рисунок выделялся на столько ясно, что казалось их узор менялся, приобретая неповторимый оттенок в тон угрюмого пасмурного неба. Ты был необыкновенно красив и даже спустя года твой образ не подвластен времени. Я помню как ветер ласково трепал твои тёмно русые волосы. Помню, как они отражали солнце передразнивая её лучи и тогда казалось, приобретали неповторимый оттенок спелой ржи, твою неизменную стрижку под полубокс, а когда твоя шелковистая копна отрастала – ты убирал их на бок и был при этом ещё кра-

сивее. Я помню каждый изгиб твоего лица. Греческий прямой нос, высокие скулы, овал подбородка, юношеский румянец на щеках и неповторимый блеск твоих прекрасных глаз. В тебе всё было идеально. Или просто ты был его олицетворением. Всегда добр, кроток и удивительно скромн. Твоей мудрости могли бы позавидовать древние философы. У тебя была своя мораль, свой взгляд и мнение на все что тебя окружало. Для тебя не существовало мелочей, ты умел видеть прекрасное во всём. В шелесте травы на поле величественно возвышающемся на холме у родника, возле дома нашей бабушки, в каждом цветке угадывал красивейшее только начинающее благоухать разнообразие ещё не тронутое солнцем, и каждый житель этого девственного уголка нашего душевного рая был дорог твоему сердцу, будь то отвратительный паук или порхающая бабочка. И с людьми было так же. Ты умел уловить хорошее в самом дальнем уголке человеческого сердца, с лёгкостью оправдать даже самый скверный поступок. Тебе следовало стать адвокатом, но этого не случилось...

Ты снова смотришь на меня всё такими же очаровательными глазами. Мне столько нужно рассказать тебе, но даже не знаю с чего начать свой рассказ. Знай одно, я пытаюсь жить по твоим заветам, пытаюсь следовать твоим наставлениям, но как всегда у твоей младшей сестры это не совсем получается. Сделав что-либо я всегда думаю, а что бы сделал ты? Так же и со словами. Мысль о тебе не покидает ме-

ня, мне кажется, мы не расставались, и словно не было этих пятнадцати лет. Давай помолчим вместе, как в детстве. Ведь чтобы разговаривать, слова не нужны, пусть говорит моя душа, а твоя пусть услышит меня.

Глава 2

*Твоих следов не смоем дождь,
Не занесут снега и ветер.
Ты в сердце вызываешь дрожь
И в нём останешься навеки.
И пусть проходят годы стороной
Неизменимы чувства эти
Ты никогда не станешь мне чуждой,
Слишком сильны у любви сети...
Нас не разлучит даже смерть
Мой брат, ты лучший был на свете
Мне не забыть тебя, поверь
И пусть слова разносит ветер...
Не докричаться до тебя
Но я гоню прочь мысли эти,
Пусть говорит моя душа,
А ты услышишь звуки эти...*

Я не знаю, сколько простояла так, рядом с ним. Не слыша и не видя ничего вокруг, даже не заметила, как кто-то подошёл сзади. Чья-то рука опустилась на моё плечо.

– Ты снова здесь? – Знакомый голос заставил пробудиться от чудесного сна.

– Да, я снова здесь, и снова мы можем говорить с ним обо всём и не о чем. – Так и не в силах отвести глаз от любимого лица, я продолжала стоять на том же месте, не щадя времени, а на небосводе меня уже поджидал закат.

– Я наблюдаю за тобой уже около двух часов, ты понимаешь, что так нельзя? – Голос сестры был тревожен, не смотря на настойчивость его тона.

– Для того что бы говорить не всегда нужны слова. И время здесь летит незаметно, да и что такое время, когда впереди у нас целая вечность. – Её руки нежно обняли меня, и слёзы полились градом у нас обеих.

Моя двоюродная сестра была сильным духом человеком, раньше мне казалось, что нет ничего на свете, что могло бы налить её светло зелёные глаза слезами. Но оказалось, что и они умеют плакать. И ей, так же как и мне не хватает его, и она его любит, может не так как я, а своей собственной любовью, но так же трепетно.

– Сегодня у него день рождения. – Вытирая катившиеся слёзы, еле слышно прошептала она.

– Время уже не властно над ним, ему всегда будет двадцать четыре.

– Я помню его ещё живым.

– Он и сейчас жив, пока мы любим его, пока чтим память о нём, пока в сердце для него есть место.

– Может, так было нужно, и там ему лучше? Но убиваться так нельзя. Ты должна его отпустить. – Её рука больно сжала моё плечо, заставляя окончательно очнуться от детских воспоминаний.

– А помнишь тот вечер, двадцатого ноября... – Я наконец повернулась к ней и обомлела, время сделала своё дело.

Из прекрасной, цветущей девушки, она превратилась в суровую женщину с глубокими морщинками очерчивающими лоб, года не пощадили её красоты. Она уже не была цветущей розой, но природного очарования время так и не смогло отнять у неё.

– Я помню всё... Как долго стояла у чёрных железных ворот твоего колледжа, не решаясь войти, не знала как сказать, боялась за... я просто знала как ты его любила.

– Помню, ты была такой потерянной, а я не понимала почему. Помню, что ты сказала, что отпросила меня, и мы поедим к Сашеньке, а потом мы пошли в цветочный магазин. Я хотела купить самый красивый букет, но ты замешкалась, было видно, что ты хотела сказать что-то очень важное, но не смогла. А потом я выбрала гвоздику в коробочке...

– Это было как вчера. Мне позвонила мама и сказала, что его больше нет, сегодня его привезут, а завтра похороны...

– Я тоже помню, помню каждое слово. Не помню только дороги, всё было как в туманной дымке, а потом... мы вошли в комнату, а там, на стульях с закрытыми глазами, чёрной лентой на лбу и иконой в холодных руках лежал он... – Уже не сдерживая слёз последние слова превратились в истошный рёв. Полина ухватила меня обеими руками и начала трясти.

– Хватит! Хватит себя мучить. Уже ничего не изменить, а если ты не можешь изменить что-то, лучше отпусти. Не смотри назад, не живи в прошлом, хватит оглядываться

на то, что уже тебе не подвластно, ты ни в чём не виновата.

– Я виновата, – вырываясь из её крепких рук я вцепилась в оградку его аккуратно убранной могилки усыпанной выцветающими на солнце искусственными букетами. – Меня не было рядом...

– Это судьба и от неё никуда не уйдешь, как бы не хотелось, её не изменишь, что предначертано – то обязательно произойдёт, значит так было нужно. У нас всегда забирают самое лучшее, но мы не должны сдаваться и опускать руки, вопреки всему – такова жизнь, своими издёвками она делает нас сильнее.

– Или убивает, только не физически, она убивает нас морально, а это хуже смерти. Когда ты живешь, делаешь что-то и думаешь – для чего?

– Значит и это для чего-то нужно. Я тебя понимаю... – Её глаза опустились, впервые за долгие годы мне показалось, что кто-то понял меня, кто-то кроме него.

– Ты много не знаешь... – Я не решалась произнести этого вслух долгие годы. – Это была моя идея. Упасть... на что—нибудь, так что бы наверняка. Он отговорил мен. Он всегда был рядом, когда мне было плохо. А когда предали его, меня рядом не было.

– Это был несчастный случай. – Изрезанные морщинками глаза Полины округлились от удивления но она упорно стояла на своём.

– Я тоже хотела, что бы это выглядело именно так... – Сле-

зы вновь покатались по щекам, я не хотела плакать на его могиле, его всегда это очень сильно тревожило, не хотела показывать свою слабость, но это было уже не в моих силах.

– Давай будем помнить только хорошее. – Удивительно быстро оправившись от шока, сестра решила перевести тему разговора в другое русло. – Поверь, мне тоже не забыть, как ты просидела всю ночь держа его за руку, а потом прыгнула за ним...

– Я была маленькая и глупая. Я думала, что если согрею его руки, он встанет, улыбнётся своей удивительно красивой улыбкой и скажет: «Ребята, я пошутил, я живой...» но этого не случилось, той ночью мне казалось что от тепла моих рук, его руки стали тёплыми и он даже улыбался мне, он действительно улыбался, он наконец понял на сколько дорог и важен. А потом я поняла, что видела его в последний раз, и больше не смогу ни обнять, ни прикоснуться к нему. Вы осудили меня за мой выбор, но это был мой выбор, я хотела быть с ним, быть навсегда, но вы лишили меня этого.

– Ты была совсем маленькая девочка, тебе было всего четырнадцать в таком возрасте говорят гормоны, а не разум, мы не дали тебе сделать глупость, очередную в твоей жизни. Когда тебя достали, ты была вся седая. – Она снова опустила глаза, было видно, что эта тема была для неё больной.

– Вы не имели на это право...

– Это была вынужденная мера, у тебя был шок, ты не могла рассуждать здраво. – Как в тот день, пятнадцать лет назад

меня вновь сурово пилили два зелёных глаза.

– Ты хочешь сказать, этот шок длится до сих пор?

– Не ходи по острию, это не выход.

– А есть ли он вообще? Может Саша был прав, и выход лишь один?

– В жизни мы совершаем ошибки, но есть такие ошибки, которых уже не исправить.

– Ты о смерти? – Но она лишь промолчала, вновь опустив глаза, на которые волной нахлынули слёзы. – Она самое жестокое создание, женщина с тысячью лиц и одним страшным именем, от которого мурашки начинают бегать по коже. Она играет в свою неповторимую игру – название которой жизнь, и только ей решать, сколько она продлится. Сначала она забрала Сергея он разбился, не справившись с управлением на скользком асфальте, на полной скорости влетел в бетонное ограждение, а я ведь так любила его, потом её жертвой стал Саша – потеря с которой мне никогда не смириться. Она забрала нашего дядю, задушив его раком, а ведь я до последнего верила в то, что он излечится, и ему действительно становилось легче. Теперь она же поджидает бабушку, мою бабулю, стоит у её изголовья нашёптывая каждый день, что песочные часы уже почти опустели... Разве это справедливо? А знаешь что самое страшное? – Ответ на мой вопрос отразился на её лице, она знала. Ей не было чуждо это всеохватывающее чувство бессилия. Бессилия пред чем – то более сложным и могущественным чем время. Бессилие перед ней,

женщиной в чёрной мантии, перед её пронзающим холодом и умиротворённым покоем, перед её чарующей ужасом красотой, перед её безграничной властью.

– Я знаю – еле слышно прозвучал её голос, голос для которого в приоритете всегда был лишь командный тон, Полина знала, ей уже доводилось терять любимого, но он не был её братом, и эту потерю не в силах стереть года. Я поняла это сразу, потому как осунулось её лицо, словно мои слова добавили ей сверху ещё пятнадцать лет. Глаза и скулы впали, едва заметные морщинки бороздой разбежались по всему лицу, украсив его своим рельефным узором. Мне стало жаль сестру. В своей боли я тронула её за так и не зажившие за двадцать лет душевные раны. Мне стало стыдно, такого эгоизма я никогда раньше себе не позволяла.

– Прости меня! – Она лишь кивнула мне в ответ. И вновь обнявшись, мы побрели к открытой калитке старого сельского кладбища, на котором оставили самое дорогое, что было у нас обеих. И лишь красивая оранжевая бабочка с яркими чёрными точками так и осталась порхать над одинокими могилками, ожидая заката солнца и конца своего единственного дня.

Глава 3

*Уходя – уходи, нет дороги назад
Если сможешь – живи, лишь попробуй не так
Посмотреть на проблемы, как на пустяк,
Уходя – уходи, нет дороги назад...*

Возвращаясь, мы обе молчали, каждая из нас думала о чем-то своём, без слов иногда намного легче привести свои мысли в порядок. Извилистая дорога в сумерках багрового заката вела нас по бескрайним просторам заброшенных полей, зеленеющих лугов, одиноких земляных ухабов и редких берёзовых, клиновых и дубовых оазисов поволжских степей. Пересыхающая речушка, разрывающая собой поселковую дорогу, никак не вписывалась в эту опалённую солнцем панораму, медленно несла свои скудные воды в надежде слиться с чем-нибудь более значимым, пробивала путь ручьям в новую жизнь. Как ни странно даже она жадно желала существовать. Цепляясь за последние капли жизни. Почему мы, люди не можем так же? Нам вечно не хватает чего-то, но потом когда у нас появляется это, нам нужно уже что-то другое и эта вечная гонка продолжается бесконечно. Может проблема и не в мире вовсе, а в нас самих, или в том, что мы воспринимаем этот мир как должное, эгоистично и предвзято, способны измениться лишь у грани когда сами се-

бя загнали в угол, пути вперёд нет, а оглянуться назад, уже нет сил.

Откуда ни возьмись на дороге прямо под колёса выскочила худощавая пятнистая кошка, это точно была кошка, их называют мраморными за трёхцветный окрас. Мы остановились. Я чудом не раздавила её. Она без страха в глазах усеялась у самого бампера. Что это? Желание умереть от бессилия существовать в одиночестве или хитрая попытка обрести дом? Полина выскочила следом.

– Бедняжка! Слава богу, жива... – С вальяжной грацией потеревшись о колесо, только что чуть не раздавившие её, трепетно мурча, трёхцветная с надеждой побрела к её ногам, сестра растаяла, словно масло на солнце.

Видимо Экзюпери в этих краях не чтят. Я схватила несчастное животное, мысли были лишь о том, что с моим братом сделали что-то подобное, что и стало причиной всему. Она показалась мне такой нежной, словно я вновь прикоснулась к его тёплым живым ладоням. Брошенная, одинокая, изнывающая без человеческой заботы и тепла. Мне стало жаль её. Огромные желтые глаза смотрели на меня с такой безграничной преданностью, что слёз сдержать было невозможно. Кто же смог так жестоко поступить со столь беззащитным добрейшим созданием. Оставить умирать животное, в доли от людей, у которых можете быть, и дрогнуло бы сердце при виде этого пушистого очарования. Но её бросили на произвол судьбы – одну, в степи под палящим солнцем,

оставили умирать. Что же так могло разозлить бесчеловечных хозяев, что подвинуло на такой жестокий шаг, ведь когда-то она была обласканным котёнком, не дика и покорна людской воле, она знала руки и может когда-то даже была любима.

– Мы возьмём её с собой. – Полина поддержала моё решение, она и сама хотела забрать трёхцветную.

– Как делить будем?

– Кого делить? – Кошечка аккуратно улеглась на заднем сиденье, изредка боязливо посматривая на нас своими пепельно-жёлтыми глазами.

– Смотри, какая вальяжная, – улыбнулась сестра, не сводя глаз с нашего найдёныша, а её глаза сияли как два изумруда.

– Хорошая девочка, заберу её себе.

– Но она подошла ком мне... – с детской игривостью возмутилась Полина.

Такого от неё я не могла ожидать. Видимо с возрастом мягче становится не только кожа, но и душа. Или может я не замечала её настоящую под маской, за которой пряталась она истинная. Но не с намерением кого-то обмануть, а просто для того что бы защититься, огородив сердце от грязи, чтобы не встретить непонимания и презрения, грубость и осуждения, за то о чем мы так часто молчим. Я так не умела. А поучиться надо бы.

– Как там девочки? – Когда не хочешь ссор и желаешь сменить прямую ведущую хоть к небольшому, но всё же кон-

флиktу, стоит заговорить на личную тему.

– Девчата, отлично! – Полина, не ожидав такой развязки, обрадовалась, что больше на придётся делить пятнистую, а разговор перетёк в совсем другое русло, интересное обещание. – Нана, заканчивает колледж, Уля скоро пойдёт в школу. Обещает вести себя примерно и учиться так же хорошо как и сестра.

– Как же быстро растут чужие дети...

И правда, словно вчера я учила белокурую кудрявую маленькую девчущку в жёлтом платье в чёрный горох, елозившую на моих коленях читать. А сегодня прекрасная дама всё с теми же огромными голубыми глазами – выпускница колледжа. Разве можно было в это поверить. Чужое время всегда течёт быстрее собственного. По крайней мере, так нам кажется.

Полина, в свои чуть под сорок была чарующе красива, но и столь же опасна, словно ядовитый цветок, манила своей изящной грацией и тут же губила упоительно пьянящим ароматом. С высоты своей житейской мудрости она могла заткнуть за пояс любого оппонента, а острый язычок у неё был подвешен не хуже акул менеджмента. Она всегда была точна в цель, оголяя все скрытые пороки, могла сорвать маску с любого искусного лжеца, оголив всю истинную суть естества. В этом её не было равных. За это умные – уважали её, а глупцы – ненавидели. Ведь правду способны принять лишь сильные духом, а таких – единицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.